ЗАПИСКИ ИИМК РАН

• 2019 •

ББК 63.4

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2019. № 21. 176 с.

ISSN 2310-6557

Transactions of the Institute for the History of Material Culture RAS. St. Petersburg: IHMC RAS, 2019. No. 21. 176 p.

Редакционная коллегия: В. А. Лапшин (гл. редактор), В. А. Алёкшин, С. В. Белецкий, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Л. Б. Вишняцкий, М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо (заместитель гл. редактора), А. К. Очередной

Editorial board: V. A. Lapshin (editor-in-chief), V. A. Alekshin, S. V. Beletsky, M. Yu. Vakhtina, Yu. A. Vinogradov, L. B. Vishnyatsky, M. T. Kashuba, L. B. Kircho (deputy editor), A. K. Otcherednoi

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, В. Я. Стёганцева, Е. В. Новгородских
Publishing group: L. B. Kircho, V. Ya. Stegantseva, E. V. Novgorodskikh

В № 21 «Записок ИИМК РАН» представлены научные работы, отражающие новейшие открытия и исследования в области археологии и древней истории. В разделе «Статьи» публикуются аналитические разработки и материалы как новых полевых изысканий (статьи В. Е. Щелинского с соавторами, Н. С. Мясникова с соавторами, М. Е. Килуновской и П. М. Леуса), так и исследований прошлых лет (работы Л. Б. Кирчо, Л. С. Ильюкова, Ю. В. Степановой с соавторами). Статья А. Д. Резепкина и М. А. Кульковой представляет первые результаты петрографического анализа керамики майкопской и новосвободненской культур. И. Ю. Шауб продолжает изучение изображений античного Боспора, а С. В. Белецкий — серию аналитических публикаций древнерусских княжеских знаков. Важность введения в научный оборот архивных данных и музейных колекций многолетних раскопок в Старой Ладоге показана в статье В. А. Лапшина. В разделе «Из истории науки» воссоздана научная биография выдающегося отечественного исследователя древнегреческого искусства и античной археологии В. К. Мальмберга. В журнале представлены также материалы разделов «Дискуссия» и «Хроника».

Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музееведам, студентам исторических факультетов вузов.

The 21st issue of the "Transactions of IHMC RAS" presents the results of recent studies and discoveries in archaeology and ancient history. The section of Research Papers contains publications of both new (articles by V. E. Shchelinsky with coauthors, N. S. Myasnikov with coauthors, and M. E. Kilunovskaya with P. M. Leus) and old (articles by L. B. Kircho, L. S. Il'yukov, and Yu. V. Stepanova with coauthors) analyses and materials. A. D. Rezepkin with M. A. Kulkova present the first results of petrographic analysis of pottery from the sites of the Maikop and Novosvobodnaya cultures. I. Yu. Schaub continues his research into the iconography of Ancient Bosporus, while S. V. Beletsky proceeds with a series of publications devoted to the Old Russian princely symbols. The article by V. A. Lapshin is devoted to the archive materials and museum collections resulting from V. I. Ravdonikas's excavations at Staraya Ladoga. V. A. Goroncharovsky's paper included in the section "From the History of Science" reconstructs the scholarly biography of an outstanding Russian researcher in the field of Ancient Greek art and archaeology V. K. Malmberg. In addition, the journal includes the sections "Discussion" и "Chronicle".

The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museum workers, and students of historical faculties.

ISSN 2310-6557

© Институт истории материальной культуры РАН, 2019
© Авторы статей, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

В. Е. Щелинский, М. Ю. Лунёв, Е. В. Кузнецов. Новые исследования раннепалеолитического местонахождения Игнатенков Куток на р. Псекупс в предгорьях Северо-Западного Кавказа 9

А. Д. Резепкин, М. А. Кулькова. Сравнительный анализ керамики из поселений майкопской и погребений новосвободненской культур по данным петрографических исследований 24

Л. Б. Кирчо. Антропоморфные статуэтки периодов позднего энеолита и ранней бронзы из раскопок В. И. Сарианиди на Улуг-депе (Южный Туркменистан) 41

Л. С. Ильюков. Повозки катакомбной культуры из Донского могильника на левобережье Нижнего Дона 49

Н. С. Мясников, Л. А. Вязов, Н. Н. Скакун, В. В. Терёхина, Е. П. Михайлов. Петроглиф из Иваньково-Ленинского городища Шолм в Среднем Посурье 63

И. Ю. Шауб. К вопросу об интерпретации образов дионисийского круга на монетах Пантикапея 73

М. Е. Килуновская, П. М. Леус. Знаки-тамги улуг-хемской культуры II–I вв. до н. э. в Туве 82

В. А. Лапшин. К материалам исследований В. И. Равдоникаса на Земляном городище в Старой Ладоге 92

С. В. Белецкий. Древнерусские княжеские знаки на пломбах и печатях в публикациях В. В. Нечитайло 97

Ю. В. Степанова, О. В. Орфинская, В. Ю. Соболев. Курганные могильники у д. Кошево и пос. Волга (Тверская область): история изучения и материалы раскопок 125

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

В. А. Горончаровский. «Сын античной мудрости…» (В. К. Мальмберг) 140

ДИСКУССИЯ

А. Ю. Скаков. К вопросу о местонахождении Фасиса, расселении гениохов и локализации кораксов 153

ХРОНИКА

В. В. Гаевская, З. Г. Гайдакова. «Археология Севера России: Югра — волость Новгорода Великого в XI–XV веках»: краткие результаты работы Всероссийской археологической конференции (1–5 октября 2018 г., г. Сургут) 166

AD MEMORIA

Дж. Ф. Хоффекер. Деннис Дж. Стэнфорд (1943–2019) 171

Список сокращений 174

CONTENTS

RESEARCH PAPERS

V. E. Shchelinsky, M. Yu. Lunev, E. V. Kuznetsov. New works at the Early Paleolithic site of Ignatenkov Kutok on the Psekups river, in the foothills of the Northwestern Caucasus 9

A. D. Rezepkin, M. A. Kulkova. Comparative analysis of pottery from the settlements of the Maikop culture and the burials of the Novosvobodnaya culture, with particular reference to the results of petrographic studies 24

L. B. Kircho. Late Eneolithic and Early Bronze Age anthropomorphic statuettes from V. I. Sarianidi's excavations at Ulug-depe (South Turkmenistan) 41

L. S. Il'yukov. Catacomb culture wagons from the Donskoy cemetery on the left bank of the Lower Don 49

N. S. Myasnikov, L. A. Vyazov, N. N. Skakun, V. V. Terekhina, E. P. Mikhailov. Petroglyph from the Sholm hillfort of Ivan'kovo-Lenino in the Middle Sura region 63

I. Yu. Schaub. Towards the interpretation of the Dionysian images on Panticapaeum coins 73

M. E. Kilunovskaya, P. M. Leus. Tamga-like symbols of the Ulug-Khem culture of the II–I cc. BC in Tuva 82

V. A. Lapshin. Materials from V. I. Ravdonikas's excavations at Zemlyanoe gorodishche of Staraya Ladoga 92

S. V. Beletsky. Old Russian princely symbols on seals published by V. V. Nechitailo 97

Yu. V. Stepanova, O. V. Orphinskaya, V. Yu. Sobolev. Barrow cemeteries near the Koshevo village and the Volga township (Tver oblast): excavated materials and history of research 125

FROM THE HISTORY OF SCIENCE

V. A. Goroncharovsky. «Son of Antique wisdom…» (V. K. Malmberg) 140

DISCUSSION

A. Yu. Skakov. Towards the questions of the location of Phasis, the dispersal of Heniochi and the whereabouts of Koraxoi 153

CHRONICLE

V. V. Gaevskaya, Z. G. Gaidakova. «Archaeology of the North of Russia: Yugra — the County of Novgorod the Great in the XI–XV centuries»: brief results of the All-Russia archaeological conference (October 1–5, 2018, Surgut).....166

AD MEMORIA

J. F. Hoffecker. Dennis J. Stanford (1943–2019).....171

List of abbreviations.....174

ЗНАКИ-ТАМГИ УЛУГ-ХЕМСКОЙ КУЛЬТУРЫ II–I ВВ. ДО Н. Э. В ТУВЕ[1]

М. Е. КИЛУНОВСКАЯ, П. М. ЛЕУС[2]

Ключевые слова: *Верхний Енисей, Тува, хунну, керамика, пряжки из каменного угля, тамги, петроглифы.*

В последние годы на Верхнем Енисее в Республике Тыва исследуются новые памятники хунну II–I вв. до н. э. — могильники Ала-Тей 1 и Терезин. В женском погребении № 29 на Ала-Тее 1 обнаружен интересный набор инвентаря: необычный красноглиняный сосуд со знаком «Н» на тулове, большая инкрустированная пряжка из каменного угля, бронзовое зеркало скифского типа, китайские монеты у-шу, бронзовые имитации раковин каури, большое количество бисера и др. Знак «Н» зафиксирован и на инкрустированной пряжке из каменного угля в могильнике Терезин. Он может рассматриваться как тамга какого-то рода или клана, появившегося на берегах Енисея в ходе экспансии хунну. Этот знак встречается и среди петроглифов Малого Баян-Кола, часть которых относится к гунно-сарматскому времени. Знак сопровождает фигуры оленей и козлов, выполненные в своеобразной манере. Такая же манера прослеживается в гравировке на каменной пряжке из могилы 86 Ала-Тея 1. Вполне возможно выделить целый пласт наскальных рисунков из Тувы, Минусинской котловины и Монголии, которые по аналогии с представленными в статье образцами можно будет четко отнести к эпохе хунну: концу I тыс. до н. э. — началу I тыс. н. э.

DOI: 10.31600/2310-6557-2019-21-82-91

Во II–I вв. до н. э., после включения территории Тувы в состав кочевой империи хунну, здесь происходит довольно быстрая и кардинальная смена культурных традиций, вызванная появлением здесь новых групп населения. Предшествующее «скифское» население уходит или ассимилируется, а его место занимают племена, пришедшие сюда в ходе экспансии хунну.

Эти исторические процессы хорошо фиксируются сменой археологических культур — памятники скифского типа исчезают, а их место занимают совершенно новые памятники хуннского облика, объединяемые в отдельную, улуг-хемскую культуру (Килуновская, Леус 2018). Эта культура отражает переход от скифского

[1] Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.)».

[2] М. Е. Килуновская — Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия; П. М. Леус — независимый исследователь, г. Санкт-Петербург, Россия.

времени к гунно-сарматскому (хунно-сяньбийскому) и обладает определенным набором характерных черт — погребения в грунтовых могилах без выраженных надмогильных сооружений, совершенные в каменных ящиках, деревянных гробах или рамах с каменной обкладкой. Положение погребенных может быть как вытянутое на спине, так и скорченное, ориентировка покойных разнообразна. Погребальный инвентарь имеет аналогии в рядовых захоронениях эпохи хунну сопредельных территорий — Забайкалье, Северный Китай, Монголия и Минусинская котловина (тесинская культура).

Главным элементом погребального убранства был пояс. Во многих женских захоронениях он богато украшен бисером, бронзовыми бляшками, кольцами, подвесками и прочее. Центральным декоративным элементом женского пояса являлась ажурная бронзовая пряжка-пластина, украшенная в зооморфном или геометрическом стиле. В некоторых случаях вместо нее использовались большие инкрустированные или гравированные пряжки из ископаемого угля/гагата или пряжки из кости и рога. В инвентаре погребений встречаются китайские импорты — монеты у-шу и зеркала эпохи династии Западная Хань. Керамические сосуды в основном баночной формы, но есть и типично хуннские сероглиняные вазы, сделанные на поворотной подставке. Иногда встречаются уникальные небольшие сосуды с перегородкой и отверстием в ней — возможно, своеобразные светильники.

В настоящее время в Центральной Туве, в зоне затопления Саяно-Шушенского водохранилища исследуются два могильника улуг-хемской культуры — Ала-Тей 1 и Терезин (Kilunovskaya, Leus 2018). Могильники расположены в 4,5 км друг от друга и абсолютно идентичны по погребальному инвентарю, но при этом имеют некоторые локальные различия в погребальном обряде. Сохранившиеся захоронения на могильнике Терезин совершены на боку или на спине с подогнутыми ногами. Подобное погребение было исследовано и на могильнике Урбюн III, в 6 км от Терезина (Савинов 1969). Однако нужно учитывать, что многие могилы на Терезине были полностью разрушены водохранилищем, и положение погребенных в них остается неизвестным. На могильнике Ала-Тей 1 количество погребений, в которых покойный лежал на боку, незначительно (около 10 %), в остальных случаях захоронение совершено вытянуто на спине. Возможно, скорченная поза погребенных говорит о наличии сильного местного «скифского» компонента у некоторых носителей улуг-хемской культуры.

На могильниках представлены рядовые захоронения, но некоторые из них по составу и разнообразию погребального инвентаря выглядят значительно богаче других, притом безотносительно типа внутримогильного сооружения. Речь идет, в первую очередь, о женских захоронениях с богатым поясным набором, серьгами, китайскими зеркалами, многочисленными бусами и пр. Они представлены не только в деревянных сооружениях с каменной обкладкой и каменных ящиках, но и в обычных грунтовых ямах. Иногда в этих погребениях встречается специфический набор погребального инвентаря, позволяющий предполагать некий особый статус этих представительниц улуг-хемской культуры. Одним из таких захоронений является погребение в мог. № 29 (АТ1/29) могильника Ала-Тей 1 (рис. 1, *1, 2*). Эта могила была неглубокой (30 см от уровня современной поверхности). С ЮВ очень близко к современной поверхности стояла каменная стела размерами 54 × 19 × 14 см, возможно, маркировавшая место погребения. Уже на глубине 10 см появился

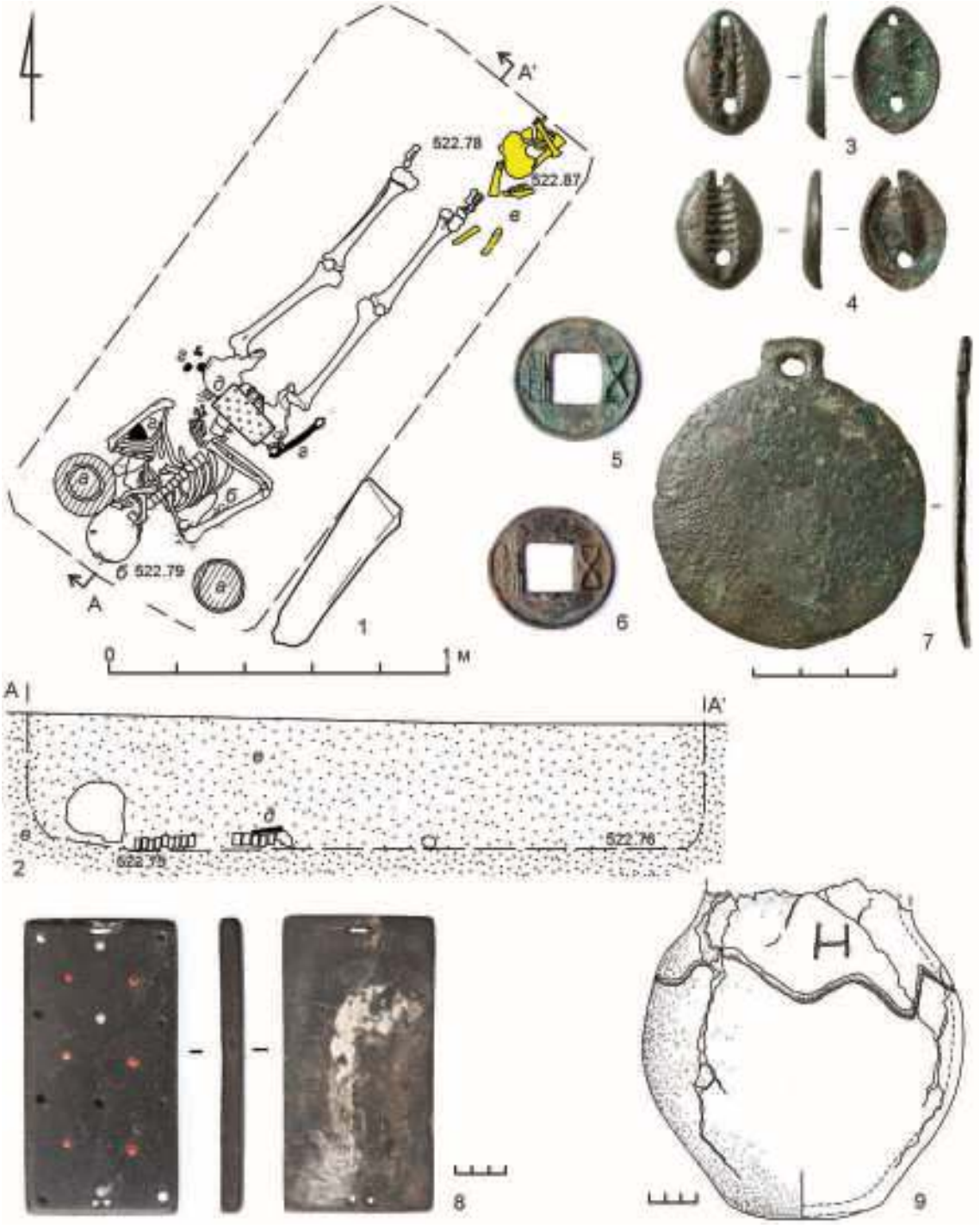

Рис. 1. Могильник Ала-Тей 1, мог. № 29: 1, 2 — план, разрез (*а* — керамика; *б* — бисер; *в* — кости животных; *г* — металлические изделия; *д* — каменная пряжка; *е* — грунт и заполнение могилы); 3–7 — изделия из бронзы (3, 4 — имитации раковин каури; 5, 6 — монеты у-шу; 7 — зеркало); 8 — пряжка из каменного угля; 9 — керамический сосуд

Fig. 1. Ala-Tei 1 cemetery, grave No. 29: 1, 2 — plan, cross section (*а* — ceramics; *б* — beads; *в* — animal bones; *г* — metal objects; *д* — stone buckle; *е* — native soil and grave fill); 3–7 — bronze artifacts (3, 4 — imitation of kauri shells; 5, 6 — Wu Shu coins; 7 — mirror); 8 — coal buckle; 9 — ceramic vessel

венчик красноглиняного сосуда. Следов какого-либо внутримогильного сооружения не зафиксировано, впрочем, оно могло быть деревянным, а его следы уничтожены под воздействием воды — верхний почвенный слой здесь смыт, а сам могильник большую часть года находится под водой Саяно-Шушенского водохранилища на глубине около 15 м.

Здесь была похоронена молодая женщина около 20 лет. Покойная лежала вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Правая рука находилась на животе над поясом, а левая была согнута в локте и подогнута к левому плечу — в ней погребенная держала бронзовое зеркало с боковой петлей для подвешивания. В районе ключицы обнаружены три круглых камушка белого цвета. Под черепом, с обеих сторон (около ушных отверстий?) найдено по бронзовой проволочной серьге, а около шеи — бисер и железная обойма.

In situ в районе таза сохранились украшения пояса и остатки органики: 13 бронзовых имитаций раковин каури (рис. 1, *3, 4*), две бронзовые китайские монеты у-шу (рис. 1, *5, 6*), костяные пронизки и бронзовая бляшка, состоящая из девяти полусфер. Посредине на костях таза лежала большая гагатовая поясная пряжка-пластина с инкрустациями (рис. 1, *8*). Справа около таза находился железный нож, у окончания которого найдено бронзовое кольцо. Еще одно бронзовое кольцо лежало симметрично, слева от скелета. В ногах были помещены кости барана — череп и нижние конечности. У правого плеча стоял темный баночный сосуд, типичный для большинства погребений Ала-Тея. Такие сосуды имеют аналогии в памятниках тесинской культуры Минусинской котловины. Слева около черепа стоял необычный красноглиняный горшок с прочерченным знаком «Н» (рис. 1, *9*). Сосуд имеет округлое тулово, плоское дно, по плечикам его прочерчена волнистая линия. Венчик сосуда обломан и утрачен — он находился слишком близко к поверхности. Высота сохранившейся части сосуда — 17 см, диаметр горла — 10 см; диаметр донца — 9 см. На плечике сосуда, сразу под горловиной, прочерчен четкий тамгообразный знак «Н». Поверхность сосуда имеет ярко-красный цвет, в тесто добавлено большое количество шамота, лощение практически отсутствует. По своему облику он имеет прямые аналогии в скифских памятниках озен-ала-белигского этапа уюкско-саглынской культуры III–II вв. до н. э., содержащих некоторые вещи, известные в памятниках хунну Забайкалья и Монголии (Семёнов 2003). Необычным для улугхемских погребений является и бронзовое зеркало с петельчатой ручкой (рис. 1, *7*), которое также находит соответствие в позднескифских материалах. Из 18 зеркал, найденных к настоящему времени на Ала-Тее и Терезине, это пока единственное зеркало скифского типа. Возможно, погребенная была связана с остатками местного скифского населения. При этом по AMS-датировке (2005 ± 34 BP) это погребение является наиболее поздним из всех датированных, что также подтверждают две украшавшие пояс монеты у-шу, пока единственные для обоих могильников, и имеющие *terminus post quem* 118 г. до н. э. Таким образом, это захоронение вряд ли можно датировать ранее I в. до н. э.

Появление тамги на таком необычном предмете, каким является здесь красноглиняный сосуд, безусловно подчеркивает особый статус погребенной женщины или демонстрирует ее принадлежность к какому-то определенному роду или клану. Престижным атрибутом является и крупная (18 × 9 см) гагатовая пряжка-пластина (рис. 1, *8*). Она украшена точечным орнаментом, углубления заполнены цветными

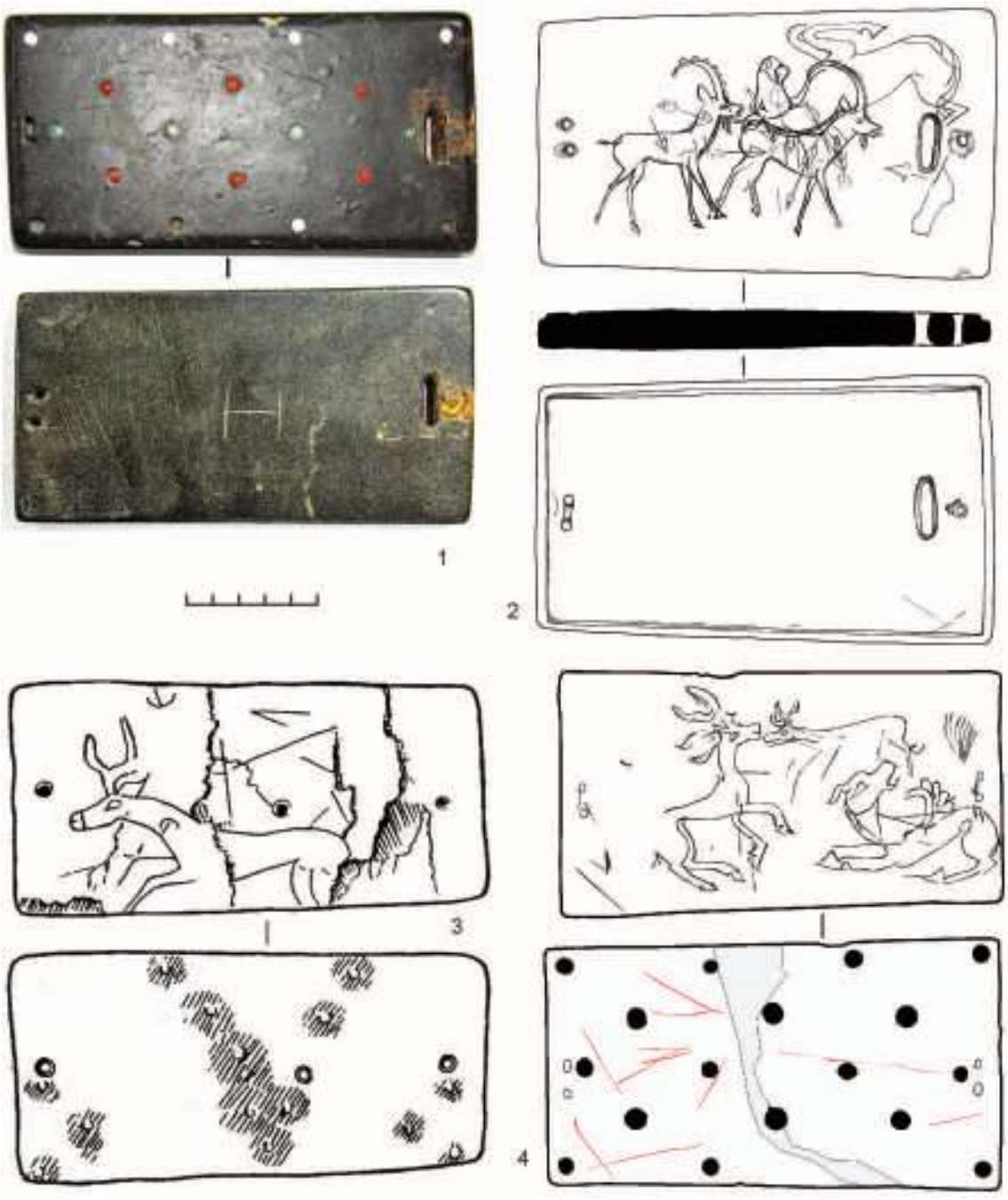

Рис. 2. Пряжки из каменного угля с инкрустациями и гравировками: 1 — могильник Терезин, разрушенное погребение, пряжка со знаком «Н»; 2 — могильник Ала-Тей 1, мог. № 86, пряжка с гравировкой; 3 — кург. 21 могильника Жаман-Тогай в Южном Казахстане; 4 — случайная находка, Токийский национальный музей

Fig. 2. Coal buckles with inlays and engravings: 1 — Terezin cemetery, destroyed burial, inlaid coal buckle signed «H»; 2 — Ala-Tei 1 cemetery, grave No. 86, coal buckle with an engraving; 3 — barrow 21 of Zhaman-Togai cemetery in South Kazakhstan; 4 — stray find, Tokyo National Museum

вставками (бирюза, сердолик, перламутр). На обратной стороне пряжки, покрытой известковым натеком, нанесено несколько резных линий, и по центру также читается знак в виде буквы «Н».

Похожая гагатовая пряжка-пластина была обнаружена около 20 лет назад учащимися Чаа-Хольской школы в разрушенном погребении могильника Терезин и впоследствии передана в Национальный музей Республики Тыва (рис. 2, *1*). Она такого же размера — 18 × 9 см, и также имеет 18 углублений для цветных вставок: четыре зеленые — в центральной части, две группы по три красные вставки по бокам от ценральной линии и по четыре белые и светло-зеленые — по краям. В этом рисунке можно предполагать какой-то сложный геометрический узор (Марсадолов 2012), но в любом случае точное соответствие пластин между собой неслучайно. И что самое любопытное, на оборотной стороне второй пластины очень четко вырезан тамгообразный знак «Н».

Подобные знаки в виде буквы «Н» встречаются на писанице Малый Баян-Кол около Кызыла, на правом берегу Улуг-Хема (рис. 3, *4*). Эти знаки нанесены на фигуру оленя, выполненного в своеобразном стиле, а также вокруг нее. Рядом расположены еще два знака, более сложные по очертаниям, которые находят аналогии в знаках-тамгах хунну и ханьском иероглифе, означающем «дерево, злак» (Богданов 2017: 11, рис. 12, *34*). Знак «Н» также известен в хуннском некрополе Наймаа Толгой в Монголии — в двух соседних могилах 6 и 8 (раскопки 1987 г.) (Торбат и др. 2012: 138, табл. 2, *5*). Несмотря на простоту этого символа, он, безусловно, имеет определенное значение. Здесь напрашивается аналогия, приведенная С. В. Воронятовым, вслед за В. Н. Засецкой, с изображением креста на дне керамических сосудов, используемых у ранних христиан в литургии и обряде крещения (Воронятов 2018: 21).

Знаки-тамги на скалах Малого Баян-Кола сопровождают рисунки особого типа — это изображения животных, которые сделаны в своеобразном стиле, достаточно натуралистичном: фигуры переданы контурной линией, они плавно идут на четырех ногах. Тщательно прорабатываются детали — копыта, хвостик, рог, глаза, иногда воспроизводится шерсть. Эти фигуры сильно отличаются от изображений в скифо-сибирском зверином стиле, для которого характерна определенная схематизация общего контура рисунка. В то же время таких изображений нет на предметах искусства хунну, представленных металлопластикой (на бронзовых поясных пластинах, пряжках и бляхах). Изображения животных в таком стиле мы видим только на бытовых предметах хунну. Это индивидуальная графика, по которой можно судить о формировании населением Саяно-Алтая собственного «хуннского» стиля.

На могильнике Ала-Тей 1 в мог. № 86 была обнаружена гагатовая пряжка с выгравированными рисунками животных (Килуновская, Леус 2018: 140, рис. 13, *2*; Семёнов 2018) (рис. 2, *1*). Эта пряжка размерами 18 × 10 см — одно из самых крупных, хорошо сохранившихся гагатовых изделий в степной Евразии. На ней изображены два следующих друг за другом горных козла (или козерога). Фигуры животных чрезвычайно изящны и лаконичны. У них длинные с приостренными копытами ноги, саблевидные рога с отростками, короткие хвостики и бороды. Они смотрят вперед, а пасти чуть приоткрыты. У правого козла высунут язык. Также на теле нанесены гравированные перпендикулярные линии. Оба зверя буквально утыканы «магическими или ритуальными» стрелами, выпущенными в них из еще более

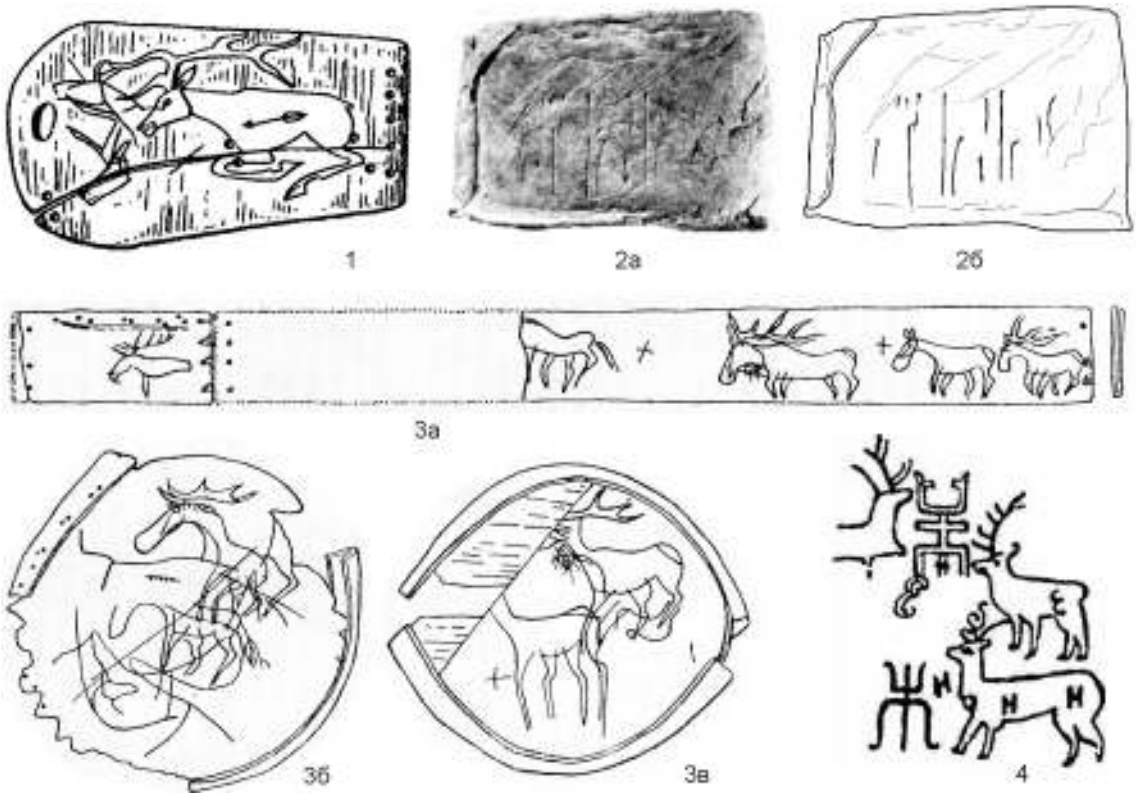

Рис. 3. 1–3 — могильник Аймырлыг, Тува: 1 — костяная пряжка; 2а, 2б — берестяной туесок с надписью; 3а–3в — берестяной туесок с гравировками; 4 — Тува, Малый Баян-Кол, петроглифы

Fig. 3. 1–3 — Aimyrlyg cemetery, Tuva: 1 — bone buckle; 2a, 2б — birch bark basket with an inscription; 3а–3в — birch bark basket with engravings; 4 — Tuva, Maly Bayan-Kol, petroglyphs

«символического» лука, обозначенного тонкой гравировкой на правой стороне пряжки под отверстием, предназначенным для продергивания ремешка. У стрел показаны треугольные наконечники и оперение. Выше над козлами выгравирована лошадь с перевернутым крупом, что указывает на скифское присутствие или непосредственное исполнение изображений на пряжке мастером, хорошо знакомым со скифским художественным каноном. Этот изобразительный прием представлен на изделиях, отлитых из бронзы и драгоценных металлов, выполненных на роге и кости, а также в наскальных изображениях как Тувы, так и сопредельных территорий. Фигуры животных с вывернутым крупом широко распространены в аппликациях и татуировках пазырыкской культуры. Грива лошади буквально вписана в линейное очертание спины правого козла. У лошади показана узда, каплевидный глаз и ноздря. В облике козерогов имеются незначительные различия. Это относится к экстерьеру животных и некоторым деталям в изображении рогов. У идущего впереди (правая фигура) рог покрыт мелкой штриховкой, а у следующего за ним показаны отчетливые поперечные валики, число которых соответствует возрасту животного.

Похожие гравированные изображения имеются на еще двух каменных пластинах. Одна из них находится в Токийском национальном музее и опубликована в каталоге Такахама Шу (Takahama Shu 1997: 133, 285, Kat. 226) (рис. 2, *4*). На

пластине изображены две фигуры оленей, выполненные в описанном выше стиле (правда, один олень показан в позе прыжка), и фигура фантастического существа, припавшего к «земле», с подогнутыми ногами. У этого существа показана морда волка, копыта коня и крыло на спине. Столь же оригинальная по рисунку гагатовая пряжка происходит из могильника Жаман-Тогай (кург. 21) в Южном Казахстане (I в. до н. э. или рубеж эр), на которой выгравирован олень, полностью соответствующий токийской пластине (Максимова и др. 1968: 186–188 — рис. 2, *3*).

Нужно отметить также гравировки на костяной пряжке и деревянном туеске из могильника Аймырлыг XXXI (расположенного в 7 км от Терезина, на другом берегу р. Чаа-Холь). Костяная пряжка могильного поля Аймырлыг по своему типу может быть отнесена к озен-ала-белигскому этапу уюкско-саглынской культуры и аналогична найденным на могильнике Суглуг-Хем (Мандельштам 1992: 427, табл. 77, *81* — рис. 3, *1*). На ней выгравирован олень с подогнутыми ногами (скифская поза), на теле которого показана стрела с опереньем. Перед ним находится отдельная голова еще одного оленя. По стилю рисунок несколько отличается от скифо-сибирского канона — большое тело, смоделированное мягкими линиями, некоторая «вялость» позы. На крышке берестяного туеска из Аймырлыга XXXI сверху вырезаны фигуры идущих оленей, переплетение линий и косой крест, по бортику — шествие оленей и лошадей, между которыми также показаны косые кресты (Стамбульник 1983: рис. 3 — рис. 3, *3а, 3б*). На дне туеска изображены две фигуры оленей и крест (рис. 3, *3в*). Кресты здесь могут рассматриваться так же, как тамгообразные знаки. Интересно, что на двух берестяных туесках из Аймырлыга XXXI есть знаки, которые ряд исследователей считает образцами неизвестной проторунической письменности (Стамбульник 1980: рис.; Мандельштам, Стамбульник 1992: 199; Николаев 2012: 123) (рис. 3, *2а, 2б*). Изображения животных здесь соответствуют рассматриваемой нами изобразительной схеме.

Таким образом, мы можем говорить о существовании определенного изобразительного канона, формировавшегося в среде племен, живших в различных провинциях империи хунну или находившихся под их влиянием. Вполне возможно выделить целый пласт наскальных рисунков из Тувы, Минусинской котловины и Монголии, которые, по аналогии с представленными в статье образцами, можно будет отнести к эпохе хунну: концу I тыс. до н. э. — началу I тыс. н. э.

Также можно предположить, что на территории Тувы в I в. до н. э. продолжали существовать немногочисленные остатки автохтонного населения, связанные с предшествующей культурой скифского типа. Они продолжали сохранять некоторые нормы своего традиционного погребального обряда (скорченное положение погребенных) и некоторые предметы инвентаря (керамика, костяные и роговые пряжки, бронзовые зеркала). Тем не менее основную массу инвентаря в тех же самых захоронениях составляют предметы, типичные для культуры хунну, — лощеные вазы с квадратным штампом на дне, разнообразные элементы поясного набора, зеркала, костяные наконечники стрел и накладки на лук, украшения и др. Здесь вполне можно говорить о многокомпонентности улуг-хемской культуры, хотя ее основу, безусловно, составили именно пришлые племена — носители новой, доминирующей культуры. В дальнейшем они могли стать одним из компонентов сложившейся в Туве кокэльской культуры и, возможно, участвовать в процессе этногенеза местного населения древнетюркского и более позднего времени.

В это же время получают распространение различные тамгообразные знаки, широко представленные у хунну и других, близких к ним, племен. Эти знаки могли иметь разное назначение (Богданов 2017). В нашем случае они, вероятно, являются символами принадлежности к определенному роду или клану, ведущему происхождение или от местных «скифских» предков, или же, наоборот, появившемуся в Туве в ходе экспансии хунну в качестве завоевателей. Помочь уточнить этот вопрос могут лишь результаты дальнейших раскопок и исследований.

Литература

Богданов 2017 — *Богданов Е. С.* Происхождение тамг хунну // Нижневолжский археологический вестник. 2017. Т. 16, № 2. С. 5–32.

Воронятов 2018 — *Воронятов С. В.* Знаки-тамги на китайских лакированных чашечках из собрания Государственного Эрмитажа // 2018 Internationale Conference DONG-A CORE. Busan, 2018. С. 17–44.

Килуновская, Леус 2018 — *Килуновская М. Е., Леус П. М.* Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве // АВ. 2018. Вып. 24. С. 125–152.

Максимова и др. 1968 — *Максимова А. Г., Мерщиев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М.* Древности Чардары (Археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища). Алма-Ата: Наука, 1968. 263 с.

Мандельштам 1992 — *Мандельштам А. М.* Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Мошкова М. Г. (отв. ред.). Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 178–196 (Археология СССР).

Мандельштам, Стамбульник 1992 — *Мандельштам А. М., Стамбульник Э. У.* Гунно-сарматский период на территории Тувы // Там же. С. 196–206.

Марсадолов 2012 — *Марсадолов Л. С.* Сакральные и начальные научные знания древних кочевников Сибири // Кочевники Евразии на пути к империи: Каталог выставки из собрания Государственного Эрмитажа. СПб.: Славия, 2012. С. 144–149.

Николаев 2012 — *Николаев Н. Н.* Хунну // Там же. С. 118–131.

Савинов 1969 — *Савинов Д. Г.* Погребение с бронзовой бляхой в Центральной Туве // КСИА. 1969. Вып. 119. С. 104–108.

Семёнов 2003 — *Семёнов Вл. А.* Суглуг-Хем и Хайыракан — могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 240 с. (Archaeologica Petropolitana. 15; Тр. ИИМК РАН. Т. 9).

Семёнов 2018 — *Семенов Вл. А.* Новый памятник искусства хунну из Центральной Тувы // Проблемы развития зарубежного искусства: Научные труды. СПб., 2018. Вып. 45. Апрель/июнь. С. 3–15.

Стамбульник 1980 — *Стамбульник Э. У.* Раскопки на могильнике Аймырлыг // АО 1979 года. М.: Наука, 1980. С. 233–234.

Торбат и др. 2012 — *Торбат Ц., Батсух Д., Баярхуу Р.* Хуннугийн археологийн тамгууд Люанди овгийн тамга болох нь (Xiongnu Archaeological Tamgas are as the Luanti Clan Property Signs) // Studia Archaeologica Insituti Archaeologici Academiae Scientarum Mongolicae. Уланбаатар, 2012. Т. 32. Fasc. 9. P. 136–161.

Kilunovskaya, Leus 2018 — *Kilunovskaya M., Leus P.* Archaeological discoveries in Tuva: excavations of the Ala-Tey and Terezin cemeteries of the Xiongnu period in 2015–2016 // Asian Archaeology. Jilin University, China. 2018. 1. P. 45–62.

Takahama Shu 1997 — *Takahama Shu.* Mounted Nomads of Asian Steppe. Chinese Northern Bronzes.Catalogue. Tokyo: Tokyo National Museum, 1997. 197 p.

TAMGA-LIKE SYMBOLS OF THE ULUG-KHEM CULTURE OF THE II–I CC. BC IN TUVA

M. E. KILUNOVSKAYA, P. M. LEUS

Keywords: *Upper Yenisei, Tuva, Xiongnu, ceramics, coal buckles, tamgas, petroglyphs.*

In recent years, the Xiongnu cemeteries of Ala-Tei and Terezin dated to the II–I cc. BC have been studied in the Upper Yenisei region, Republic of Tuva. Female burial No. 29 of Ala-Tei 1 yielded an interesting assemblage of burial goods: an unusual red-ware vessel bearing the sign "H" on its body, a big inlaid coal buckle, a bronze Scythian type mirror, Chinese Wu-Shu coins, bronze imitations of kauri shells, numerous beads, etc. The sign "H" was also found on an inlaid coal buckle from the Terezin cemetery. It can be considered as the tamga of a clan which appeared on the banks of the Yenisei river in the course of Xiongnu expansion. This sign is found also among the petroglyphs of Maly Bayan-Kol, a part of which dates back to the Hun-Sarmatian time. The sign is accompanied with images of deer and goats executed in a specific manner. The same manner can be traced in the engraving on a stone buckle from grave No. 86 of Ala-Tei 1. It is quite possible to single out a whole group of rock drawings from Tuva, Minusinsk depression and Mongolia which, following the analogy with the specimens described in the present paper, can be safely dated to the Xiongnu epoch — the end of the I millennium BC — the beginning of the I mil. AD.